

Анатолий Иосифович Божко родился в 1949 году в Киргизии. После службы в армии окончил педагогический институт, отделение журналистики Высшей партийной школы. Работал журналистом в Киргизии, с 1994 года — в редакции районной газеты «Аннинские вести». Многократный победитель и призер всероссийских и международных соревнований среди легкоатлетов-ветеранов. В настоящее время на пенсии. Написал три книги: «Над трибунами небо синее» и (совместно с женой Марией Божко) — «Розовый снег» и «Третье дыхание». Проживает в пгт Анна Воронежской области.

Анатолий Божко

ТЕПЛЫЙ ВЕТЕР

Рассказ

Март перешел середину, а весны не было видно. Никак не хотела пускать ее зима. Проказничала, всласть хотела нагуляться напоследок. То и дело снежком баловала. По самые окна его насыпало. Сугробы были такие, что соседний дом не увидишь. Думали, что холода еще не меньше, чем на месяц затянутся. Но в одночасье все изменилось. Все пошло по календарю. Природа — не человек, ее не обманешь.

Закапало с крыш и, радуясь теплу, не умолкая, пел петух во дворе. Солнце осмелело, уже с утра заглядывало в окошко избы. Но радости это не давало Вере Ивановне. Семь десятков лет исполнилось ей прошлой осенью. Девять из них — одна. Как схоронила мужа, ни с кем свою жизнь связывать больше не стала, хотя мужики-вдовцы подбивались к ней. Но думала, какая уж она невеста в эти-то годы.

Одна-одинешенька коротала день с утра до вечера. А дни-то все серые, друг на друга похожие. Особенно зимой. Забот почти никаких: кур покормить, собаку — да обед себе приготовить. Потом сиди телевизор смотри, пока голова не разболится. Тихо в доме, аж в ушах звенит. К этому никогда не привыкнешь, но мириться приходится. Сама такой жизни захотела.

Есть у нее дочь Ирина, зять Виктор, две большие внучки: Оля и Валя, четырь-

надцати и одиннадцати лет. Живут в городе, но раньше приезжали и на весенние, и на летние каникулы. Шумные, непоседливые, уставала от них Вера Ивановна. Отчитывала, воспитывала внучек. И чего добились? Перестали они приезжать к бабушке. Некому теперь обрывать вишни и груши. Падают, осыпаются, или птицы их склевывают.

И с соседями она не больно дружит. Галина из дома напротив, бывает, заскакивает. Но это летом. На зиму в город к дочери уезжает. С другими как-то не сходитя. Иногда выйдет поговорить с кем-то, но сидеть часами на скамейке, лузгая семечки, и перебирать местные новости не может.

Лучше уж поковыряться в огороде. Он большой — тридцать соток, — времени требует. И растет там много чего: и малина, и земляника, и смородина. И цветы всякие. Поглядеть на них приятно. И поговорить с ними можно, как с живыми, излить свои печали.

Жизнь у каждого своя. Каждый свой век живет как хочет, как у него получается. У кого-то светлого побольше, а у кого-то сумерки, в темноту переходящие. Бывает, что неприятности сами на твою голову сваливаются. Но еще хуже, если сам по ошибке или по глупости своей на них, как на куст репейника, натыкаешься. Неладно у нее вышло с соседом Ильей Васильевичем. Одно время будто с ума сошли в их селе, начали межи уточнять. И Веру Ивановну этот бес попутал.

Метр по границе участков себе захотела добавить, сосед не согласился. Приходил человек из сельсовета, перемерил. Оказалось, что все правильно. Но чтобы соседи не спорили, забил на меже большой кол. От него потом, по указанию Веры Ивановны, зять протянул металлическую сетку чуть ли не до конца огорода.

По сему поводу Илья недобро высказался:

— Были соседи, а теперь как звери в клетке. Все тебе мало земли. Скоро нам с тобой хватит маленького кусочка: метр на два.

Поняла, на что намекает, обиделась не на шутку. Уже который год не здоровалась с Ильей. Встречаясь на улице, делала вид, что не замечает его. Тот же, словно всю жизнь они в большой дружбе, улыбаясь в пышные усы, приглашал ее в гости.

— Ты одна — и я один. Заходи, вместе чайку попьем. И покрепче найдется. Понравится, заночуешь. Моя изба просторная и теплее твоей.

Делает вид, что не слушает, а слова эти не пролетают мимо, тревожат сердце. И придя домой, не раз вспоминает их. И Илюшу из тех же далеких-далеких лет нет-нет да и припомнит.

Всю жизнь знает его. И не просто знает. В одном классе учились, вечерами, став старше, подолгу гуляли на улице. Чудная была пара: он — высокий с черным волнистым чубом, она — статная, русоволосая. Но две их жизни не сложились в одну судьбу. Рассорились в тот вечер, когда Илья уходил на службу в армию.

Они не усидели за столом, где собралась вся родня проводить парня. Убежали на берег реки к заветной сосне, и там он впервые ее поцеловал. Затем еще раз и крепко обнял. То ли осмелел Илья от выпитого вина, то ли это вышло случайно, но рука его с ее плеча стала опускаться все ниже и ниже... Ее как будто обожгло.

— Но это уже слишком!

Вырвалась из объятий, отбежала в сторону и расплакалась. Сквозь слезы услышал Илья очень обидное:

— Эх ты! Я-то думала, у нас все по-хорошему. А ты как все. Видеть тебя не хочу...

Начал извиняться парень, да поздно было. Так по-глупому они и растались.

Вера утром Илью провожать не пошла. Только в окошко поглядела. И то — из-за занавески, чтобы он ее не увидел.

Письма Илья писал, но Вера на них не отвечала. А потом узнал, что она замуж вышла за тракториста Андрюшу. Не по большой любви, а по глупости тоже. Назло подружкам, которым парень-гармонист и плясун приглянулся.

А Илья после армии вернулся домой. Женился на приезжей учительнице. И, наверное, не вспомнил больше Веру, потому что со своей Шурой жил в мире и согласии. Сын у них вырос. В Москве теперь — какой-то военный начальник.

Но сейчас Илья тоже один. Четыре года назад схоронил жену. Сын зовет к себе, но не хочет покидать отец родное село...

Летом здесь хорошо. До темна можно копаться в огороде. Слушать трели соловья, пойти к речке, как к подружке, поделиться своими горестями. Зимой же день как год. Не знаешь, чем и заняться. Из угла в угол тычешься, не знаешь, куда и деть себя. Но сегодня у Веры Ивановны до обеда было дело. В магазин надо было сходить. Давно там не была, припасы к концу подошли. Магазин на другом конце села, и идти туда не очень хотелось. Дорога никудышная: снег вперемешку с грязью, того и гляди, что провалишься и зачерпнешь через верх сапога. Но хлеб закончился, а пирожки и пышки печь не хотелось...

Полчаса плелась до магазина, с трудом вытягивая ноги из липучей грязи. И по пути не раз пожалела, что пошла туда, можно было и обойтись. Очереди не было, и она не спеша наполняла сумку. Взяла две буханки хлеба, печенье, чай, конфет, макарон. А потом, покряхтев, взглянув на цену, взяла еще одну селедку. Что-то ей соленьенького захотелось:

— Открою огурчики, картошечки наварю. Славненький обед получится...

Придя домой, взглянула на часы: было уже больше одиннадцати. Пора и картошку ставить.

Но в ведре было всего две картофелины. Еще бы две-три — и хватило бы, а так придется в погреб лезть.

А это ей не очень мило было. На то причины имелись. Мало ела и пила, но к семидесяти годам чуть ли не сто килограммов набрала. С весом и болячка новая прицепилась — давление. Когда опускалась в погреб (а он трехметровый), голова кружилась, в ушах шумело, темнело в глазах, и ступеньки на лестнице почти не видела, ступала наугад. И все боялась, что лестница вот-вот сломается.

Лестнице было уже больше десяти лет. Когда муж Андрей делал ее, Вере Ивановне сразу же не понравилась, и она попрекнула:

— Не мог, что ли, железную сделать? Эта твоя худобина через полгода сопреет и развалится...

Тот обиделся, швырнул молоток и гвозди, чуть не попав в жену:

— Что ты в этом понимаешь... Лестница крепкая... Еще нас с тобой переживет...

Но, взглянув на Веру Ивановну и увидев на ее лице ухмылку, понял, что не убедил. И решил успокоить:

— Пусть пока постоит. Со временем железную сделаю...

Это «пока» с тех пор и тянется. Может быть, Андрей Степанович и заменил бы лестницу, да заболел вскоре сильно. Месяц дома пролежал,

три недели в больнице. И сердце, и ноги ему лечили. Но не вылечили. Сказалась непосильная работа: почти четыре десятка лет трудился в колхозе на тяжелых тракторах. И по весне, вот уже девять лет назад, его схоронили. Прав он оказался, что лестница переживет его. Будто наперед знал свою судьбу...

Потихоньку, осторожненько спускалась в погреб Вера Ивановна. Но когда половина ступенек остались позади, лестница вдруг сильно затрепала, надломилась в середине — и Вера Ивановна полетела вниз. Благо, что до земли метр был всего. Не столько ушиблась, как испугалась.

Поднялась, осмотрелась. Начала поднимать лестницу, а та сразу же переломилась пополам. Вот тут-то и страх пришел. Неужто наверх не выберется? И белого света больше не увидит?

Из угла в угол стала ходить по просторному погребу: вдруг отыщется что-то, что поможет подняться наверх.

Может, бочку на бочку поставить? Но сил хватило только подкатить одну, а вторую, дубовую, поставить на нее она даже не пыталась. Другая мысль появилась. Нашла в углу черенок от лопаты, забралась на бочку и стала стучать по крышке погреба, прислоненной к стене: вдруг кто услышит ее сигналы о помощи! Изо всех сил барабанила по крышке и наступала на свою голову. Доска, которая придерживала крышку, упала — и крышка захлопнула выход из погреба.

Было плохо, стало еще хуже. В темнице оказалась Вера Ивановна. И к тому же закрытая наглухо. Кричи не кричи, никто не услышит. Помрешь, да не так, как все люди, а позорно... Будут в селе потом об этом долго вспоминать. И посмеиваться... А дочери Ирине неприятно будет слушать все это о ней.

Давненько уже не видела ее. Приезжала с мужем последний раз перед Новым годом. И то недолго побыли, ночевать даже не захотели. А раньше всегда оставались. Теперь чаще ездят к матери зятя, она поближе живет. А может, и потому, что Виктор на нее обижается. Ну сказала ему раз-другой, что мог бы зарабатывать и больше. Оставил бы свое учительство и нашел бы прибыльнее занятие. А он насупился, сдвинул брови — и ничего не сказал. Разве она не права была? Но все же лучше бы промолчала. Пусть живут как хотят, а то вот теперь о ней забывать стали. Раньше все варенья, соленья до Нового года забирали из погреба, а сейчас вон банки выстроились, как на витрине магазина. Только на ее поминки и пригодятся!

Бежали слезы по лицу. Она их и не вытирала. И нечем было, да и не зачем. Мысли, одна мрачнее другой, лезли в голову. К темноте глаза постепенно начали привыкать: и она уже кое-что видела в своем «жилище»: банки, бочки, картошку. Не видела лишь одного: выхода из этой глупой ситуации.

Илья Васильевич знал, что соседка всегда ложится спать поздно, потому удивился, увидев в восемь вечера темные окна ее дома. Что-то рано легла сегодня Вера? Может, приболела или в гости к кому-то пошла? Но когда утром вновь не увидел огня в соседнем доме, встревожился. Неужто беда какая-то стряслась? Пошел разобраться. Тихонько постучал в дверь — никто не отзывается. Посильнее — ни звука. Толкнул дверь — открылась.

— Вера, ты дома? — спросил с порога.

Не услышав ответа, вошел в избу. В ней никого не было. Странно: дом не закрыт, а хозяйки нет? Обошел двор, заглянул в сарай — пусто. Что делать дальше, не знал. Закурил, раскашлялся. Это у него всегда так: дымоходы, поди, забились, тяги нет, не куренье, а мученье. Но бросить не может — привычка прикипела намертво.

— Кто там? — вдруг услышал голос издалека, словно из-под земли шедший. Даже отскочил в сторону то ли от удивления, то ли от испуга.

А потом ему показалось, что кто-то рядом вроде бы плачет.

Кто мог быть — сразу и не разобрался, а догадался: да это же Вера, где-то рядом. Не в погребе ли она?

Начал только поднимать крышку — как услышал:

— Ой, спасите меня. Вызовите. Весь день и всю ночь тут просидела...

Что-то еще хотела сказать, но раскашлялась. Сиденье в холодном подземелье даром не прошло. Когда открыл погреб и она увидела его — расплакалась.

— Видишь, Илюшенька, в какую беду я попала. Помоги отсюда выбраться. Моя-то лестница сломалась.

— Подожди минутку. Принесу свою...

Поднялась наверх, обрадовалась, конечно, поначалу. Но женщина всегда остается женщиной, что бы с ней не произошло. Не по себе стало Вере Ивановне, что в таком непотребном виде она предстала перед соседом. И, не став ничего рассказывать о случившемся, даже забыв поблагодарить, поспешила в избу, чтобы смыть с лица следы многочасового сидения в погребе. Илья же, постояв немного, выкурив еще одну сигарету и поняв, что его помощь уже не требуется, пошагал домой. Вечером на всякий случай заглянул к соседке. В избе было очень холодно. Вера лежала под двумя одеялами и сильно кашляла. Илье обрадовалась:

— Ты мне чайку согрей. Может, кашель пройдет. А то я, видишь, занемогла.

Подошел, приложил руку к ее лбу:

— Да у тебя температура. Тут чаем не поможешь. Знаешь что, пойдём ко мне, лечить тебя буду. Как простуду выгонять, знаю... Ну как, согласна?

— Еще бы я по чужим избам ходила. Помру, так в своей.

Согрел Илья ей чая. Затопил избу, но она никак не прогревалась. За сутки основательно остыла. Да и дрова были никудышные: веточки и щепочки. Живым духом малость запахло, но тепла не было. Собрался сходить домой за дубовыми поленьями, но на всякий случай еще раз спросил у Веры Ивановны: не пойдет ли она к нему, где натоплено и ужин приготовлен? И вновь услышал то же самое. Но в который уже раз убеждаешься, что если женщина говорит «нет», то это надо понимать как «да», но попозже. Придя с дровами, Илья Васильевич увидел Веру Ивановну уже в шубе и пуховой шали.

— Уговорил, — сказала она. — Схожу к тебе на часок, отогреюсь, пока в избе потеплеет...

Лекарства от простуды были у Ильи Васильевича. Сын их всегда из Москвы привозил, вдруг понадобятся отцу. До аптеки отсюда двадцать верст — потому все необходимое надо иметь.

И горчичники нашлись, и пластырь перцовый, и таблетки всякие. Облепила себя со всех сторон Вера Ивановна. Сама управилась. Хотя Илья Васильевич попытался было помочь. Отправила его в другую комнату и позвала, только когда укрылась одеялом.

Пошла чаю с малиной — и кашель начал стихать. То ли волнение сказалося, то ли от того, что с холода в тепло попала, — Вера Ивановна быстро уснула. Илья Васильевич долго еще сидел у телевизора в соседней комнате, поглядывая через открытую дверь на спящую соседку. А потом прилег на диван, накрывшись полушубком. Не хотелось идти за одеялом и простыней в другую комнату. Они лежали в шифоньере, и он, доставая их, мог разбудить Веру Ивановну.

Утром он не пустил ее домой. Сходил, протопил избу. Борщ приготовил. Сам поел с аппетитом, а вот соседка только несколько ложек ко рту поднесла. Только чай чашку выпила. Вечером, поблагодарив за все, Вера Ивановна ушла домой. Проводив ее, Илья Васильевич загрустил. Вроде и привык жить один, а вышла небольшая перемена — понял: надо, чтобы был с тобой рядом живой человек, а то скоро и говорить разучишься. Долго сидел в тот вечер. Почти всю пачку выкурил, а сон не шел. Уже под утро задремал — и то ненадолго.

На рассвете его разбудил какой-то шум. Вышел на крыльцо и понял, что идет он от реки. Тронулся лед на ней. Давно такого не было: лет пять. Незаметно лед сходил, будто его не было. А сейчас стоял грохот, словно рядом камни дробили.

Лучший вид реки был с берега, где они в юности встречались с Верой. Туда и пошел. К старой заветной сосне. Смотрел, как ломаются, налетая друг на друга, льдины, как с шумом падают они в темную воду, пробивающую себе дорогу в белой круговерти. И потому не сразу заметил Веру Ивановну, стоящую в метре от берега, где буйствовал ледоход. Она, увидев его, пошла навстречу. Не такая была Вера, как вчера. Белый платок и зеленое пальто изменили ее. Помада на губах и еще какая-то косметика омолодили лицо. И хотя бледность от болезни не ушла, но она была уже не вчерашней старухой, а совсем другой женщиной, заставлявшей вспоминать отдаленную годами и пережитым яркую пору юности.

И, как прежде, они стояли у сосны, тоже постаревшей, но еще крепкой. А рядом с ними по реке неслись огромные льдины, ломая камыш и очищая берег от всего ненужного. В половодье вода чаще всего бывает мутная. Но темной она была только на быстрине, а у берега — удивительно светлой.

Дул легкий ветерок. Нес он и прохладу, и тепло. Был по-весеннему приветливым. И от него не надо было прятать лицо.

